

УДК 1(091):316.3

РОЛЬ ИДЕЙНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО МИРОВОГО РАЗВИТИЯ

Н.Н. Равочкин

ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный технический университет
имени Т.Ф. Горбачева», г. Кемерово
ФГБОУ ВО «Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия»,
г. Кемерово

DOI: 10.26456/vtphilos/2021.3.028

Произошедший в социальных науках идеационный поворот способствовал усилению внимания к идеям и повышению их роли в самых различных процессах. Несмотря на отмеченную тенденцию большинство отечественных исследователей до сих пор склоняются к материальным интерпретациям, отводя идеям в лучшем случае вспомогательную роль. Обращение внимания к идейной детерминации институциональных преобразований в политико-правовой сфере представляет чрезвычайную значимость по ряду причин: (1) данные институты до сих пор занимают ведущее место среди прочих установлений, предлагая надежные объяснения развития конкретных обществ; (2) интеллектуальные ресурсы в контексте современного мира обладают несомненными преимуществами перед материальными условиями, поскольку сегодня далеко не всегда ресурсное изобилие коррелирует с эволюционной траекторией развития государств; (3) идеи трансграничны и трансисторичны, а содержащиеся в них смыслы легко операционализируются и адаптируются под необходимые реалии. Настоящая статья посвящена прикладному значению идей, которые воплощаются в политико-правовых институциональных формах как решающих структурах мирового развития. Обоснована значимость идей в контексте современного мира. Показано, что критическое отношение к односторонним концепциям позволяет создавать альтернативные сценарии мирового развития. Выявлена значимость учета адаптации содержания интеллектуальных конструктов для политико-правовых институтов в их взаимосвязи с последствиями для других сфер общественной жизни. В логике авторского подхода рассмотрены примеры идейной детерминации политико-правовых институциональных преобразований с учетом ведущих мегатрендов современности. Актуализирован междисциплинарный поиск в прикладных контекстах как ведущее направление сегодняшней социальной философии. Приведены соображения по поводу поливариантности мирового развития и необходимости адаптации конфигураций передовых идей под множественные цивилизационные геномы, что позволяет исключить устаревшую дихотомию «Запад – Незапад». В заключение обобщаются основные выводы и подводятся итоги исследования.

© Равочкин Н.Н., 2021

Ключевые слова: *идея, идейная детерминация, политико-правовые институты, властные акторы, культура, общество, глобализация, мировое развитие.*

Изучение взаимосвязей и корреляций между любыми социальными процессами, в том числе и политико-правовыми институциональными преобразованиями, представляется нам крайне важным основанием для формирования трендов, поскольку здесь главным образом встает вопрос об определении векторов развития мирового сообщества. Речь идет именно про оформление таких тенденций, появление которых детерминирует «большие», стратегические пути изменений и последующих преобразований политико-правовых, экономических, социальных и прочих связей и отношений, поэтому ожидается, что их критическое переосмысление с использованием ресурсов современной философии позволит выявить опорные точки в теоретическом и прикладном аспектах.

Мало у кого-то могут возникнуть сомнения по поводу приоритетного места заявленных в названии институтов политико-правовой сферы относительно их возможностей объяснения происходящих в обществе процессов. Да, сегодня наблюдаются дискуссии по поводу возможного возвышения институтов экономической и духовной сфер, а также говорится о возможностях гражданской самоорганизации, но пока еще важнейшие функции легитимации власти, правотворчества, предоставления реальной гарантии и защиты прав и свобод человека, разрешения конфликтов и целый ряд других приходится именно на политико-правовые установления.

Говоря о роли детерминант, влияющих на развитие современного общества, созвучным нашему представляется мнение А.В. Разина. Этот исследователь также подчеркивает значимость интеллектуальных оснований для исторического развития общества и отмечает высокую роль идей в аспектах существования и взаимодействия различных государств на международной арене [5]. В самом деле, сегодня именно сетям интеллектуалов удастся направлять развитие целых государств посредством критического переосмысления самых различных теоретических продуктов и целых систем, что позволяет властным акторам сформировать арсенал идей национального развития, часть из которых становится настоящей идеологией, разумеется, не государственного уровня, но порой для целых сфер. Конечно, разбор контекстуальных реалий никогда не даст идеальную модель взаимодействия властей с сетями интеллектуалов, а также не будет свидетельствовать об «абсолютной» дистрибуции, как обязательном неконкурентном взаимоотношении между продуцируемыми фракциями идеями социального развития.

Исследование наличных в том или ином государстве ситуаций взаимоотношений пары «интеллектуалы – власть», при которых последние предпочитают руководствоваться одними лишь материальными условиями на фоне отсутствия собственных идей или же при неудачной адаптации,

пусть и самых передовых ментальных конструкторов с имплантацией «где-то успешно функционирующих» институтов, вряд ли сделает возможным выход стран на желаемую траекторию эволюционного развития.

Действительно, мир неоднократно показал, что в условиях усиления транспарентности и повышения рисковости и непредсказуемости нужны не условные «нефть» и «газ», но такие социальные идеи, которые бы стали если не опережающими, то хотя бы актуальными ответами на обострившиеся вызовы своего периода времени при несоответствии и/или же неприемлемости текущих идейных традиций. Из ментальных конструкторов, имеющих различные социокультурные коннотации, важно создать целые конфигурации и модификации, поскольку сегодня какая-либо одна идея, взятая изолированно для отдельной новации, но без учета последствий в их взаимосвязях с другими сферами общественной жизни, попросту вряд ли сработает.

Так, в работах Хантингтона можно увидеть, что сложный комплекс идей, предлагающий технизацию страны, положенный в основу принципов создания и построения институциональных архитектур в современных странах западного мира, мог оказаться крайне затруднительным, а порой и вовсе вредным для большинства государств полупериферии и периферии [8]. Однако в данном случае можно заявить не только о состоянии структурных и организационных условий, явившихся следствием опережающего развития Запада, здесь логичнее говорить о том, что такие институциональные преобразования приведут к снижению эффективности выполняемых политико-правовыми установлениями функций, зачастую усилив имеющиеся институциональные разрывы, а также изменят идентичность и, скорее всего, негативно скажутся на ментальных порядках в этих странах за счет неподготовленности большинства населения к стремительному наступлению нового социального времени.

Оппонент Хантингтона – Ф. Фукуяма, известный прежде всего тезисами о «конце истории», напротив, отмечает неизбежность единого пути политико-правового институционального строительства. Демократия становится для него единственным путем развития абсолютно для всех обществ и государств. А помимо идеи о технизации общества он утверждает о стремлении человечества к удовлетворению своих потребностей [7, с. 56]. При этом в современном мире такие интенции реализуются в самых многообразных формах.

По большому счету, убежденность Фукуямы более чем понятна: идеи космополитизма должны заменить этнополитические предрассудки, следовательно, повсеместно будет сформирована система политико-правовых институтов, фундированных либерально-демократическими идеями. В то же время, сегодня эти размышления все чаще встречаются со скептическим отношением, поскольку, несмотря на безусловную привлекательность и даже кажущуюся безальтернативность идей (до сих пор открыт вопрос, какие качественно новые ценности, касающиеся

человека, могут быть провозглашены), состояние институтов западного мира наглядно свидетельствует о кризисе демократии.

Итак, институциональные трансформации, вне сомнения, позволяют трансформировать внешние признаки общественного развития национальных государств. В этом случае показательны трансформации, произошедшие на постсоветском или даже постсоциалистическом пространстве, когда от Восточной Европы и до Средней Азии были перенесены (но далеко не всегда адаптированы) самые различные копии демократических институтов (от реальных до декларативных и фасадных). Однако следует помнить, что политико-правовые институты всегда национально маркированы и вырастают вместе с самим обществом, поэтому в ряде случаев, где происходит несоизмеримая замена базовых ментальных и социальных оснований можно, наблюдать не только смерть культуры, но и множественные институциональные дисфункции. Одновременно исходя из представленной логики и в целях сохранения ткани социума, можно указывать на необходимость постепенного насаждения передовых идей политико-правовых институциональных трансформаций, которые немислимы без уже отмеченной нами адаптации их содержания, а порой и предложения их конгруэнтных, но не противоречивых ментальному порядку интерпретаций. В таких случаях заимствование принципов политико-правового институционального строительства увеличивает потенциал развития конкретного общества. Таким образом, ментальная готовность населения коррелирует с институциональной функциональностью, следовательно, не возможность, а именно необходимость контекстуального принятия содержания социальных идей не только дает стабильный государственный порядок, но и позволяет отойти от, казалось бы, единственно возможной западной модели государственности.

Продолжим рассматривать прикладные возможности философии в части идейной детерминации политико-правовых институциональных преобразований в аспекте межсубъектного взаимодействия государств и целых политических систем. В работах И. Валлерстайна можно обнаружить важный тезис по поводу либерализма. Валлерстайн отмечал, что этот идейный проект попросту не справляется с выполнением возложенных функций. Логично, что его ведущий аргумент связан с артикулируемыми целями и идеализацией роли данных ментальных конструктов для социума, которую отводили ему теоретики, и реальными интересами и устремлениями со стороны властных акторов, попросту оказавшихся скрытыми за позитивной риторикой последних. На деле же экспорт либеральных идей хоть и построил новый мировой порядок, он, по мнению Валлерстайна, сформировал систему, имеющую множество неравновесных точек и де-факто безуспешные стремления отстающих обществ к минимальную обретению устойчивости. Помимо этого, мир-системный анализ указывает на постепенное избавление от периферии, в которой наблюдается дисбаланс в участии формальных и неформальных институтов, хоть как-то относящих-

ся к властным интеракциям. Важным представляется применение новых подходов к учреждению эффективных институтов, что повысило бы эффективность взаимодействия между странами на международной арене [9].

В рамках теории Валлерстайна непрямо высказывается примат экономических идей, как определяющих возможность и необходимость формирования политического единства мира и реализацию политико-правовых институциональных преобразований и взаимодействий. Государства «демократического ядра» признаются центральными, в то время как все остальные оказываются в зависимости от него [12, с. 260–261]. Справедливости ради отметим, что ярко выраженный валлерстайновский экономический детерминизм, исходящий из марксистской философии, часто и достаточно аргументированно критикуется. В частности, И.А. Чихарев указывает, что глобальная финансовая, культурная и социальная подсистемы куда больше взаимосвязаны с идейными альтернативами для мирового сообщества и предлагаемыми трансформациями политико-правовых институтов – в этом заключается суть так называемой «функциональной дифференциации» [11]. По сути, его позиция во многом созвучна нашей. Прежде всего в том, что акторы не могут избирательно выхватывать какую-либо одну идею для национальных политико-правовых институтов, без учета ее последствий во взаимосвязи с другими сферами государства, а также на международном уровне.

В свою очередь А.Н. Чумаков констатирует, что идейная детерминация институциональных трансформаций любого современного общества априори связана с двумя противоречащими друг другу процессами-трендами – это глобализация и глокализация [10]. Можно прийти к выводу, что проявления глобализации, начавшиеся в послевоенное время, придали колоссальное значение нововременным идеям (над)национального взаимодействия между политико-правовыми институтами, что особенно наглядно проявилось в Европе и взаимоотношениях между США и другими американскими странами. Не вдаваясь в общую оценку реализации идей создания единых континентальных пространств, все же обратим внимание, что имплементация этих интеллектуальных конструкторов не бесспорна в части дискриминации прав отдельных участвующих в этих союзах стран. Действительно, культурные и цивилизационные основания взаимодействия властных и иных субъектов влекут за собой острую необходимость учета особенностей при взаимодействии на политико-правовом уровнях интеракции. Другим ценным конструктором становится тезис Чумакова о человеческом факторе с указанием на повышение гуманитарной составляющей в современном мировоззрении [10]. Для многих стран эта мысль оказывается едва ли не определяющим фактором при реализации процессов политико-правовых институциональных преобразований, по сути, позволяющая добиться максимального понимания будущих контуров социальности при ремоделировании хабиитуализированных взаимодействий, в которые

вплетены властные акторы, и выхода на новый уровень эффективности функционирования рассматриваемых установлений.

Философы-постмодернисты во многом были правы, указав на переход политико-правовой сферы из прямого принуждения к манипулятивному воздействию [3]. Одним из наиболее заслуживающих внимания примеров перевода формального функционала политико-правовых институтов к децентрализации власти из единой точки («центр») в бесчисленные «периферии» видится концепция «мягкой силы». Переход к невидимым механизмам влияния позволяет одним государствам присутствовать везде, где они имеют заинтересованность, а кажущийся привлекательным разнообразно насаждаемый мир (культура, наука, спорт) зачастую приводит к консенсусу относительно выбора социальных идей институциональных преобразований, выбираемых для имплементации в политико-правовой сфере другими национальными странами.

Однако производной отсюда становится другой идейный комплекс – ведение в США дискуссии по поводу «гегемонической стабильности» как основания формирования современной системы международных отношений и центральной роли Соединенных Штатов Америки в ней. Это отражается в широких дискуссиях по вопросу США как государства-гегемона, контролирующего сырьевые, информационные, рыночные отношения по всему миру и/или лидера, как страны, доминирование которого осуществляется на основании консенсуса других государств [6]. Таким образом, доминирование одного государства хоть и основывается на различных принципах построения международного сотрудничества, но автоматически и весьма существенно снижает не только статус, но и эффективность всех других национальных политико-правовых институтов, предлагая построить «однополярный мир». Более того, диспозиционные предпосылки для перехода или же возврата к нему выглядят ничтожными, в особенности на фоне появления новых точек мирового роста, что, наоборот, способствует утверждению различных траекторий международного развития.

Здесь же следует показать еще один кейс рецепции социальных идей. Сегодня одним из наиболее показательных примеров реализации идей в рассматриваемой нами сфере становится проведение новой фундаментальной либеральными интеллектуальными конструктами «политики идентичности» в форме нового течения ВЛМ. Любопытно, как данные идеи, изначально локализованные в США, достаточно быстро нашли свой отклик в государствах Европы. Р.Н. Лункин считает, что ведущими причинами такого быстрого распространения этих ментальных конструктов становится укорененное в либерализме чувство сострадания, а также идея «западности», как выбранного этими европейскими способами себя-идентификации, которая обрела статус «материальной силы» в период Второй мировой войны. Самоочевидно, что вследствие переосмысления ряда важных социальных идей и наполнения групп манифестантов ВЛМ «сторонниками гендерного равенства, жертвами домашнего и иного наси-

лия, активистами ЛГБТ-движения» [4, с. 107] можно наблюдать влияние ментальных конструктов на соответствующие изменения в политико-правовых процессах Евросоюза. Для большей части европейцев движение ВЛМ ассоциируется главным образом с борьбой за собственные индивидуальные права. В качестве случившихся подвижек мы можем назвать ведение новых этапов борьбы за права меньшинств и призывы к трансформации законодательной системы, которые бы усилили нормы по охране равенства и запрете различных предрешений – все это, вне сомнения, задает новую канву для учреждения качественно иных форм взаимодействия и возложенного на политико-правовые институты функционала, а на глобальном уровне – прорисовывание альтернатив мирового развития. Отсюда следует, что мы можем говорить о предложении нового витка развития либертарианского подхода к своим правам.

В свою очередь тезис о гуманитарной составляющей вообще можно полагать в качестве важного методологического дополнения в контексте перманентной информационно-технологической революции и появлении новых вызовов, являющихся одновременно возможностями и угрозами: «кардинальное и быстрое изменение архитектуры мировых связей и отношений, тогда как мировое сообщество демонстрирует свою полную неспособность адекватно реагировать на эти перемены» [10, с. 4]. Более того, «научно-технический прогресс <...> в целом имеет тенденцию к ускорению. А вместе с ним ускоряется и исторический процесс, за которым ни индивидуальное, ни общественное сознание не может угнаться» [2, с. 13]. Как известно, любые трансформации в мировом сообществе реализуются на различном уровне (микро-, мезо- и макроуровнях), что зачастую затрудняет функциональный анализ таких перемен, но при этом тенденции изменения взаимоотношений и взаимодействий ежедневно требуют адаптации со стороны членов мирового сообщества, на которую в целом некоторые из участников не всегда оказываются готовыми.

Мировой опыт свидетельствует об обострении проблемы формулирования и продуцирования адекватных ответов на вызовы времени, поскольку сегодня субъекты осуществления политико-правовых институциональных трансформаций зачастую апеллируют к привычным идейным основаниям, которые в прошлом давали необходимый результат, но в стремительно изменяющемся мире не способны конституировать ни новую политику, ни новое право, ни эволюционный вариант общественного развития. Такие ментальные конструкты уже даже не позволяют объяснить властным акторам общую ситуацию в необходимых ракурсах, не говоря уже о формировании необходимых аксиологических модусов и директив реализации институциональных трансформаций [1, с. 88]. Именно поэтому в успешно развивающихся странах даже в сегодняшний период становления искусственной социальности на фоне коронавирусной инфекции приобретает свою значимость диалог властных акторов (теоретиков и практиков) с сетями интеллектуалов. Как показала практика, совместными усили-

ями названные субъекты переосмыслили и ремоделировали функционал рассматриваемых институтов, избавив их от стремительно теряющих актуальность функций, но, выделив перспективные идейные основания, сделали упор на международную интеграцию и кооперацию.

Сегодня осмысление идейной детерминации политико-правовых институтов с учетом выделения межпредметных сфер требует от исследователей построения многомерных объяснительных схем, да еще и в прикладных контекстах, что предопределяет общую направленность современной социальной философии на диалог с другими дисциплинами для успешного приложения разрабатываемых методологий. Организационные и структурные сдвиги, изменяющие глобальный социум, также упорно сигнализируют о том, что изучение институциональных трансформаций требует междисциплинарного исследования, поскольку здесь необходим учет всей совокупности различных факторов и разработки критериев и параметров для валидности прогнозов и четкой прорисовки тенденций мирового развития. При этом чем более обширен круг привлеченных специалистов из частных областей, тем разнообразнее и максимально точно окажутся сформированные тенденции при выборе альтернативы мирового развития.

Идейные принципы построения государственности оказываются первичными по отношению к политико-правовым институтам. Приведенные в этой работе примеры с опорой на авторитетные концепции в очередной раз свидетельствуют об усилении детерминационной и объяснительной ролей ментальных конструкторов для политико-правового институционального строительства и эволюционного развития государств. На наш взгляд, именно анализ ядерного содержания воплощенных в политико-правовых институциональных формах социальных идей строгими методами лингвистического анализа позволяет выявить и определить логику сценариев общественного развития.

Обобщив вышесказанное, резонно заявить о, без преувеличения, фундаментальной роли философского осмысления интеллектуальных оснований реализации политико-правовых институциональных преобразований. Более того, критика имеющихся в распоряжении аналитиков концепций свидетельствует о взаимосвязях между идеями и появлением новых трендов институционального строительства государств. При этом отмечая высокую значимость демократических идей в координатах современного мира, считаем, что страны (вне зависимости от географического расположения и иных статусов) объективно не могут игнорировать основные уважающие права и свободы человека достижения интеллектуальной мысли, но в силах построить фундированные данными конструкторами передовые политико-правовые институты. Однако успешная реализация таких институциональных проектов невозможна без учета собственного культурного генома и соответствия выбранной конфигурации идей наличному в конкретном обществе ментальному

порядку. Таким образом, следует отказаться от привычной дихотомии «демократия – авторитаризм», или «Запад – Незапад». Следовательно, для выбора ниши в новой системе международных отношений странам необходим собственный сценарий развития. В этом ключе резоннее всего заняться проработкой всего плюрализма вариантов организации государственного устройства. В этом случае социальные идеи являются незаменимыми инструментами для трансформаций наличной архитектуры. Это объясняется тем, что в отличие от материальных ресурсов интеллектуальные продукты имеют несоизмеримые преимущества при демонтаже и remodelировании громоздких и дорогих в плане трансакционных издержек политико-правовых институтов для тех или иных стран на конкретном этапе исторического развития.

Список литературы

1. Барашков Г.М. Понятия политической и государственной идеологии в современной российской политической науке // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2007. Т. 7. № 1. С. 88–92.
2. Гринин Л. Е., Гринин А. Л. От рубил до нанороботов. Мир на пути к эпохе самоуправляемых систем (история технологий и описание их будущего). М.: Учитель, 2015. 424 с.
3. Казачок В.И., Власова С.А. Информация и ее значение в процессе развития современного общества // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 2. С. 109–115.
4. Лункин Р.Н. Антирасистские протесты в Европе // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2020. № 5 (17). С. 106–112.
5. Разин А.В. Исторические альтернативы современного общества // Философия и общество. 2020. № 2 (95). С. 35–55.
6. Слинко А.А., Орешева Д.Р. Трансформации системы международных отношений и проблема разоружения в эпоху глобализации // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. Т. 11, № 1. С. 75–83.
7. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М: АСТ: Полиграфиздат, 2010. 588 с.
8. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций М.: АСТ, 2003. 603 с.
9. Ходырева С.Ю. Когнитивно-неоинституциональный анализ трансформации современной мировой политики как регулятора межгосударственных взаимодействий // Философия права. 2008. № 6 (31). С. 110–112.
10. Чумаков А.Н. Основные тренды мирового развития: реалии и перспективы // Век глобализации. 2018. № 4 (28). С. 3–15.
11. Чихарев И.А. Многомерность мировой политики (к современным дискуссиям) // Полис. Политические исследования. 2005. № 1. С. 161–172.
12. Шебанова М.А. Структурное изменение мировой политики // Политическая наука. 2012. № 4. С. 260–273.

POLITICAL AND LEGAL INSTITUTIONAL TRANSFORMATIONS IDEAL DETERMINATION ROLE FOR MODERN WORLD DEVELOPMENT

N.N. Ravochkin

Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev, Kemerovo
Kuzbass State Agricultural Academy, Kemerovo

The ideational turn that has taken place in the social sciences has contributed to an increased attention to ideas and an increase in their role in a variety of processes. Despite the noted tendency, the majority of Russian researchers are still inclined towards material interpretations, assigning ideas, at best, to an auxiliary role. Paying attention to the ideological determination of institutional transformations in the political and legal sphere is of extreme importance for a number of reasons: (1) these institutions still occupy a leading place among other institutions, offering reliable explanations for the development of specific societies; (2) intellectual resources in the context of the modern world have undoubted advantages over material conditions, since today resource abundance does not always correlate with the evolutionary trajectory of development of states; (3) ideas are transboundary and transhistorical, and the meanings contained in them are easily operationalized and adapted to the necessary realities. This article is devoted to the applied meaning of ideas that are embodied in political and legal institutional forms as decisive structures of world development. The significance of ideas in the context of the modern world has been substantiated. It is shown that a critical attitude to one-sided concepts allows one to create alternative scenarios of world development. Revealed the importance of taking into account the adaptation of the content of intellectual constructs for political and legal institutions in their relationship with the consequences for other spheres of public life. In the logic of the author's approach, examples of ideological determination of political and legal institutional transformations are considered, taking into account the leading megatrends of our time. The interdisciplinary search in applied contexts as the leading direction of today's social philosophy has been updated. Considerations are given about the polyvariety of world development and the need to adapt the configurations of advanced ideas for multiple civilizational genomes, which makes it possible to exclude the outdated dichotomy «West – Non-West». In conclusion, the main findings are summarized and the results of the study are summed up.

Keywords: *idea, ideological determination, political and legal institutions, power actors, culture, society, globalization, world development.*

Об авторе:

РАВОЧКИН Никита Николаевич – доктор философских наук, доцент кафедры истории, философии и социальных наук ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева»; доцент кафедры гуманитарно-правовых дисциплин ФГБОУ ВО «Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия», г. Кемерово. E-mail: nickravochkin@mail.ru

Author information:

RAVOCHKIN Nikita Nikolaevich – PhD (Philosophy), associate professor of history, philosophy and social sciences dept., Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev; associate professor of humanitarian and law disciplines dept., Kuzbass State Agricultural Academy. E-mail: nickravochkin@mail.ru